

Если так будет продолжаться, то она потеряет даже один шанс из десяти тысяч быть с Инь Шаоцзе!

"Даже если это так, ты не должна съезжать! В любом случае, я не согласна. Я точно не уеду!"

Ван Шиюй стала совершенно неразумной.

Она не слушала ни слова из того, что говорила Ань Чжисинь. До тех пор, пока речь шла о переезде, она отказывалась слушать.

Ань Чжисинь горько улыбнулась. "Шиюй... Это не наша квартира! Он только временно одолжил ее из жалости ко мне, чтобы я могла остаться здесь. Рано или поздно мне придется уехать. С самого начала я... никогда не принадлежала этому месту".

По мере того, как она говорила, Ань Чжисинь не могла не оглядывать квартиру, ее глаза наполнились нежеланием уезжать.

Почему она хотела уехать...

Кто бы не хотел жить в такой прекрасной квартире?

Смогла бы она позволить себе жить в таком роскошном кондоминиуме, даже если бы работала всю жизнь?

Ань Чжисинь опустила голову и не могла не почувствовать диван из натуральной кожи. Он был очень мягким и удобным.

Она до сих пор помнила, как ложилась на диван, смотрела телевизор и незаметно для себя засыпала.

А проснувшись на закате, она выглянула из французского окна и увидела оранжево-красный закат.

Это было действительно красиво.

Ань Чжисинь перевела взгляд на французское окно.

Уже стемнело, поэтому послезакатного света не было, но вид из окна был прекрасным. Она могла видеть бесконечный поток машин и неоновые огни города.

Ночной пейзаж был не менее прекрасен.

Как она могла смириться с тем, что покинет это место?

Глаза Ань Чжисинь снова стали водянистыми, и слезы не переставали падать.

Ван Шиюй уже не обращал внимания на то, плачет ли она, и сердито сказал: "Чжисинь, почему ты не понимаешь? Если ты все еще хочешь молодого мастера Цзе, то ты не должна съезжать! Ты можешь использовать другие способы, чтобы оставить о себе хорошее впечатление. Это не значит, что переезд - единственный способ! Разве ты не глупа! Ты действительно станешь моей смертью!"

Что именно происходит в твоей голове?"

Ван Шиюй становилась все злее и злее, она даже подошла и ткнула пальцем в голову Ань Чжисинь, словно пытаясь разбудить ее и заставить передумать.

Ань Чжисинь нахмурилась и отмахнулась от ее руки. "У меня очень ясная голова!"

Именно потому, что у нее была ясная голова, она должна была покинуть это место.

Ван Шиюй громко возразил: "У тебя не ясная голова! У тебя совсем не ясная голова! Повторяй за мной. 'Мы не будем двигаться! Мы точно не сдвинемся с места! Ты слышишь меня!'"

Ань Чжисинь в недоумении уставилась на нее, словно никогда раньше не видела ее такой бесстыжей.

"Мы будем двигаться! Мы должны двигаться! Что бы ты ни говорила, я уже решила, что завтра мы уедем!"

Ань Чжисинь не собиралась продолжать с ней спорить.

Она встала с дивана, ушла в свою комнату и захлопнула дверь.

Ван Шиюй в бешенстве подбежал и стал стучать в дверь. "Ты думаешь, что сможешь заткнуть мне рот, закрыв дверь? Я не уйду! Я просто отказываюсь покидать это место! Я посмотрю, что он может со мной сделать!"

Внутри комнаты.

Ань Чжисинь прислонилась спиной к двери и сползла вниз, села на пол и в расстройстве провела пальцами по волосам.

За пределами комнаты.

Не получив от нее ответа, Ван Шиюй в ярости пнул дверь.

"Ты идиотка! Я видел глупых людей, но я не видел никого настолько тупого, как ты!"

...

В квартире на последнем этаже кондоминиума.

Две фигуры обнимали друг друга, засыпая. За окном яркие звезды заполняли темное ночное небо.

Была уже глубокая ночь, и вдалеке на мосту почти не мелькали машины.

Однако в этот момент, посреди ночи.

Инь Шаоцзе спал крепким сном, но вдруг почувствовал, что кто-то в его объятиях ворочается, как будто ей очень неудобно.